

Реконструкция коммуникативного стереотипа как источник информации об идентификационных механизмах культур Англии и Германии

Е.Е. Рыбакова

В статье анализируются коммуникативные стереотипы межкультурной коммуникации Англии и Германии на литературном примере начала XX в. Поскольку коммуникативный стереотип является источником информации об аксиологической составляющей «культурного кода», его реконструкция на разных уровнях существования, включая рассмотрение «в зеркале» иной культуры, – важный шаг на пути оптимизации межкультурного взаимодействия.

В процессе становления культуры имеет значение ее взаимодействие с иными культурами – межкультурная коммуникация в широком смысле слова. Хорошо известно, что не всегда и не везде культуры охотно открывались для подобных контактов. Но их влияние на рефлексивный пласт общественного сознания, на «узнавание другого» и уточнение своих собственных идентификационных программ не вызывает сомнения. Из этого вытекает, каким важным элементом межкультурной коммуникации является коммуникативный стереотип – «образ другого¹», тиражирующий ожидание определенных черт поведения, характера; стратегии и тактики коммуникативного поведения, в том числе и в различных «по знаку» ситуациях межкультурного диалога:

– стереотип как форма национального менталитета может представлять стандартным мнением носителей этого менталитета о

социальных группах или об отдельных лицах, представителях этих групп².

– с логической точки зрения стереотип – это эмоционально окрашенное суждение, которое в заостренной форме (упрощая и обобщая) приписывает определенные свойства или ценностные установки определенному классу лиц³.

Каждая национально-культурная общность вырабатывает, как правило, свои представления о приемлемых путях подобного взаимодействия. Это и есть в самом широком смысле коммуникативная культура. Традиции «старой» коммуникативной культуры европейских народов представляют особый интерес, так как раскрывают не только специфику национального менталитета в ситуациях межкультурного взаимодействия⁴, но также помогают выявить сценарные программы коммуникации, характерные для Старого Света. Наряду с этим реконструкция коммуникативных

Рыбакова Елена Евгеньевна – аспирант Государственной академии славянской культуры.
E-mail: rybakovayelena@gmail.com

стереотипов способствует оптимизации процесса межкультурной коммуникации, создает возможности ее развития в желательном направлении.

Богатый исследовательский материал по данной теме представлен в специальных трудах по философии, этнологии, психологии, лингвистике и т.д. Современная коммуникативистика (и такая ее часть, как лингвокультурология) вслед за аналитической философией предлагает обратить внимание на «нерефлективный» пласт культурного самосознания эпохи – периодику, рекламу, бестселлеры. В числе последних выделяется бестселлер юмористический, обыгрывающий коммуникативные стереотипы на основании выявленных несоответствий, которыми полны ситуации общения, в том числе общения межкультурного.

Юмористический роман известного английского писателя Джерома Клапка Джерома «Трое на четырех колесах» (1900) привлекает внимание в данной связи, поскольку описывает ситуацию взаимодействия немцев и англичан в период начала XX в. – то есть в то время, когда закладывались не только экономические, политические и организационные, но и этнопсихологические основания интенсификации диалога, переросшего затем в остро конфликтное противостояние в ходе Первой мировой войны.

Лингвокультурологический подход позволяет реконструировать коммуникативные стереотипы, к примеру, сквозь призму изучения вульгаризмов и иных языковых средств. Они предстают в качестве выразителей глубинных сдвигов социокультурного плана, отраженных в языке. Сам язык при этом выступает как спонтанный выразитель общественных процессов; дело лингвокультуролога – эти процессы выявить и описать. Джером К. Джером – не просто писатель. Он – глубокий аналитик, раскрывший в своих произведениях ряд аспектов компаративного подхода, что позволяло ему критически осмыслить процессы, происходящие в современной ему культуре.

Так, в упомянутом романе «Трое на четырех колесах» Дж. К. Джером отмечал те тенденции общественной жизни, с которыми связано начало XX в.: социально-бытовые изменения, основанные на деформации ценностной базы традиционной культуры, научно-технический прогресс, вызванные им социальные сдвиги. В это время Англия, как известно, являлась самой влиятельной мировой державой, обладала значительным экономическим и людским потенциалом, владела большим числом колоний и т.п.

Германская империя с 1880-х гг. активно включилась в колониальную гонку, стремясь расширить свое «жизненное пространство» в конкурентной борьбе с другими империями. У нее, как говорится, были свои амбиции, но они поначалу не были обеспечены достаточной политической силой. Всплеск национального самосознания, выведший страну в число мировых экономических лидеров⁵, подвинул Германию в начале XX в. к осознанию себя находящейся в совершенно новом геополитическом положении. Все это не могло не повлечь за собой

драматических изменений не только в политической сфере, но и в самой культуре.

Культурная идентичность англичан анализируется в работах таких авторов, как А. де Токвиль, Ф. Купер, У. Эмерсон, Г. Коммаджер⁶ и др. Основными элементами культуры Англии они называют религию, язык, приверженность традициям и обычаям, консерватизм, законопослушность, материализм, индивидуализм, практицизм и патриотизм. Также считается, что англичанам свойственны любовь к истории, особое «английское» чувство юмора, снобизм и чувство превосходства над всем миром.

Что касается «программных» элементов культуры немцев, то ими являются религия, язык, патриотизм, законопослушность, национальный дух и также приверженность традициям и обычаям. Дитмар Скирмер (Schirmer D.)⁷ относит Германию к обществам, в которых именно национальные аспекты культуры являются определяющим источником национальной идентичности. Германия относится к обществам, характеризующимся периодическим пересмотром системы политических норм и ценностей⁸. Поэтому о Германии можно говорить как о стране менее консервативной, чем Англия.

Переходя к непосредственному рассмотрению лингвокультурологически значимого материала романа (с целью выявить особенности межкультурного диалога Англии и Германии на основе их культурной идентификации в контексте культурно-исторических и социальных перемен того времени), выделим несколько уровней стереотипов⁹, обнаруженных в ходе этой работы.

Первый уровень отражает специфические базовые (само)идентификационные ценности английской и немецкой культур. В их числе:

1. *Индивидуализм, уважение власти и законопослушность*: «In the placid, docile German of to-day, whose only ambition appears to be to pay his taxes, and do what he is told to do by those whom it has pleased Providence to place in authority over him, it is difficult, one must confess, to detect any trace of his wild ancestor, to whom individual liberty was as the breath of his nostrils; <...> Individualism makes no appeal to the German voter. He is willing, nay, anxious, to be controlled and regulated in all things...»¹⁰ {«В современном тихом и обстоятельном немце, находящем полное удовлетворение в том, что он платит подати и исполняет приказания тех, кто волей судьбы поставлен властвовать над ним, – действительно трудно различить черты его диких предков, для которых свобода была воздухом, жизнью, условием существования; <...> Свобода воли и личности не искушает немца, он любит, чтобы им управляли; а недовольные – не довольны только формой проявления власти, но не самим ее существованием над ними»}¹¹.

В приведенном фрагменте немцы представлены глазами англичан как народ несамостоятельный, лишенный индивидуализма, так же, как и своего пресловутого «воинственного духа». Уважение к власти перерастает в зависимость от нее. Такая

«аксиологическая оптика» показывает, что англичане понимают под индивидуализмом абсолютную независимость как проявление самостоятельности и инициативы в конкретных обстоятельствах. При этом сами англичане предстают как народ умеренный, в том числе и в отношении критики собственной власти.

2. *Здравый смысл*. «The German citizen is a soldier, and the policeman is his officer. The policeman directs him where in the street to walk, and how fast to walk. At the end of each bridge stands a policeman to tell the German how to cross it. Were there no policeman there, he would probably sit down and wait till the river had passed by»¹². {«Здесь каждый гражданин чувствует себя солдатом, а городских признает офицерами. Городовой указывает ему, куда идти, и с какой скоростью, и как переходить мосты; если бы у мостов не было полиции, немец готов был бы сесть на землю и ждать, пока протечет вся река»}.

Анализ следующего стереотипа показывает, что англичане ценят не порядок сам по себе, а порядок «разумный», – приписывая немцам черты, характерные для представителей низкоконтекстных культур коллективистского типа. Гражданское самосознание не равнозначно тупому послушанию. Если все-таки подобная подмена происходит, следует искать ее корни в этнокультурных особенностях и предрасположенностях того или иного народа.

Следующий пример характеризует англичан как носителей здравого смысла, позволяющего считать разрешенным то, что не запрещено законом и логикой вещей: «But in Germany a boy will walk for miles down a lonely road, hedged with fruit trees, to buy a pennyworth of pears in the village at the other end. To pass these unprotected fruit trees, drooping under their burden of ripe fruit, strikes the Anglo-Saxon mind as a wicked waste of opportunity, a flouting of the blessed gifts of Providence»¹³. {«Для англосаксонского ума представляется потерей времени проходить мимо целых стен фруктовых деревьев и не трогать их; по нашему мнению, смотреть хладнокровно на ветви, склоненные под тяжестью зрелых плодов, было насмешкой над дарами природы. А в Германии мальчик пойдет по такой дороге за несколько миль, в соседнюю деревню, чтобы купить там на пять пфеннигов груш»}.

О «правильности» и «законопослушности» немцев ходят легенды. Вот как видят ее англичане: «I remember in one German town - I forget which; it is immaterial; the incident could have happened in any - noticing an open gate leading to a garden in which a concert was being given. There was nothing to prevent anyone who chose from walking through that gate, and thus gaining admittance to the concert without paying.<...> Yet of the crowds that passed, not one attempted to enter by that gate. They plodded steadily on under a blazing sun to the other gate, at which a man stood to collect the entrance money.<...> Nothing stopped their going on but the knowledge that they ought not»¹⁴. {«Я помню, в каком-то немецком городе мне случилось проходить мимо парка, в котором играла музыка; в него вели двое ворот, у

одних продавались билеты, а другие – за четверть мили от первых – стояли широко открытыми; здесь не было ни сторожа, ни городского, и каждый желающий мог бы свободно войти в парк и слушать музыку. Но никто не подумал войти в эти ворота: все под палящим зноем ползли к главному входу, где стоял человек и собирал входную плату»}.

При всей абсурдности ситуации, законопослушность, доведенная до такого «абсолюта», вызывает уже не презрение, а скорее уважение, – как проявление не укладывающейся в рамки здравого смысла и вместе с тем завораживающей своей последовательностью динамики национального характера. В романе обыгрывается «солдафонство» немцев и тем самым утверждается ценность гражданского (не милитаризированного) типа культуры: «The German has so long been the soldier of Europe, that the military instinct has entered into his blood. The military virtues he possesses in abundance; but he also suffers from the drawbacks of the military training. It was told me of a German servant, lately released from the barracks, that he was instructed by his master to deliver a letter to a certain house, and to wait there for the answer. The hours passed by, and the man did not return. His master, anxious and surprised, followed. He found the man where he had been sent, the answer in his hand. He was waiting for further orders. The story sounds exaggerated, but personally I can credit it»¹⁵. {«Немец так долго был ландскнехтом всех государств, что солдатчина вошла в его плоть и кровь. Он даже иногда страдает от ее избытка; мне рассказывали об одном лакее, незадолго перед этим окончившем военную службу: хозяин послал его с письмом в один дом и велел ждать ответа. Час проходил за часом, а человек не возвращался. Отправившись лично, хозяин застал его все еще в том доме, куда послал, хотя с ответным письмом в руке: он ожидал дальнейших приказаний»}.

Приведенная история звучит, разумеется, преувеличенно. Однако ее смысл понятен. Более того, автор считает, что за «прививку» милитаризма немецкому народу ответственны немецкие общеобразовательные школы. А не только психологические и иные особенности народа.

Второй уровень отражает «неспецифические» базовые ценности. В их числе:

1. *Ценность благосостояния*: «The wealthy master builder, when he prepares his roomy waggon for an excursion into the country, invites his foreman and his tailor to join him with their families. Each brings his share of drink and provisions, and returning home they sing in chorus the same songs. So long as this state of things endures, a man is not induced to sacrifice the best years of his life to win a fortune for his dotage»¹⁶. {«...Богатый инженер, собираясь с семьей на пикник, приглашает принять в нем участие своего управляющего и портного. Те являются с чадами и домочадцами, со своей долей бутербродов и питья, и все отправляются вместе, а на обратном пути поют хором песни. При таком положении вещей незачем тратить лучшие годы жизни на то, чтобы приготовить себе достойную обстановку для лет старческого слабоумия»}.

Итак, для англичан благосостояние неоспоримо является ценностью; «романтики»-немцы, с точки зрения английского писателя, по крайней мере не выдвигают ее на первое место.

2. *Ценность родного языка* как выразителя культуры и носителя найденных ею смыслов, а также в качестве средства общения: «The true inwardness of the situation lay in the indignation of this Britisher at finding a German railway porter unable to comprehend English»¹⁷. {«...Трогательность его заключалась в искреннем негодовании британца, который нашел немецкого носильщика, не понимающего по-английски»}.

Как видим, «языковой шовинизм» приводит к тому, что диалог может окончиться, едва начавшись, если нет соответствующих средств его ведения. Безусловным фактором эффективного диалога культур является уважительное отношение к использованию языков различных локальных культур. Кстати, данная установка актуальна и сегодня. Несоблюдение данной нормы ведет к невозможности установления диалога и отсекает возможности сотрудничества. Уважение языка подразумевает осознание необходимости говорить в чужой стране на языке данной страны или пытаться освоить его. Также Дж. К. Джером указывает на явные коммуникативные проблемы, имеющие место в среде жителей небольших немецких городов. Писатель выражает эту мысль следующим образом: «...Together with a blink at the Vosges mountains, where half the population is bitterly pained if you speak to them in French, the other half being insulted when you address them in German, and the whole indignantly contemptuous at the first sound of English; a state of things that renders conversation with the stranger somewhat nervous work»¹⁸. {«Здесь одна половина населения считает горькой обидой, если с ними заговоришь по-французски; другая – оскорбляется, если обратишься по-немецки, и обе выражают презрение и негодование при первом звуке английской речи. Такое положение вещей несколько утомляет и затрудняет нервного путешественника»}.

По существу, при описании данного стереотипа речь идет о нарушении норм коммуникации, обусловленном культурным предубеждением. Последнее, в свою очередь, явилось следствием неоднократного перехода территорий от немцев к французам и обратно и соответствующих исторических претензий, оставивших след в национальной психологии (в частности, в отношении к «чужой» и «чуждой») языковой реальности).

3. *Ценность бытовой коммуникативной компетенции («вежливость»)*: «There were about half a dozen of us standing there," he continued, "and, of course, I am not experienced. The thing started suddenly, and that jerked me backwards. I fell against a stout gentleman, just behind me. He could not have been standing very firmly himself, and he, in his turn, fell back against a boy who was carrying a trumpet in a green baize case. They never smiled, neither the man nor the boy with the trumpet; they just stood there and looked sulky. I was going to say I was sorry, but before

I could get the words out the tram eased up, for some reason or other, and that, of course, shot me forward again, and I butted into a white-haired old chap, who looked to me like a professor. Well, HE never smiled, never moved a muscle»¹⁹. {«Нас было на площадке человек шесть, – продолжал Харрис. – Я ведь еще не привык, и когда вагон неожиданно двинулся, меня дернуло назад, и я повалился прямо на толстого господина, стоявшего за мной; тот, вероятно, тоже был не особенно тверд на ногах и, в свою очередь, чуть не раздавил мальчика, державшего трубу в зеленом чехле. Ни один из них не улыбнулся, оба только надулись. Я собрался было извиниться, когда вагон вдруг замедлил ход, и я очутился в объятиях седого господина, похожего на профессора, который стоял против меня. Представь себе, что и он не улыбнулся! Ни один мускул не дрогнул на его лице!»}.

Разное восприятие нестандартной коммуникативной ситуации немцами и англичанами обуславливает и различие их реакций. Как известно, как англичане, так и немцы стараются избегать физического контакта с незнакомыми людьми. Однако, если такое все же происходит, они проявляют свою вежливость в зависимости от тех базовых установок, которые обусловлены их национальным менталитетом²⁰. Авторский юмор призван смягчить очевидную «грубость» немецкой версии вежливости и акцентировать внимание на ее английской версии, представляющей писателю наиболее тактичным способом проявления своих чувств.

Поскольку коммуникативный стереотип отражает ценности культуры, его участие в процессах самоопределения, самообоснования и саморепрезентации культур не вызывает сомнения²¹. Примечательно, что в начале XX в. определенные ценности соответственно английской и немецкой культур стали вызывать подчеркнутое взаимное раздражение и неприятие на уровне психологических контекстов межкультурной коммуникации. При всей близости исходных установок их различие постепенно стало доминировать. Было бы натяжкой утверждать, что этот процесс явился определяющим по отношению к развернувшейся серии конфликтов на уровне экономического, политического и военного противостояния. Однако игнорировать роль данного фактора тоже было бы неверно.

Как минимум, он определил стратегию возможной пропаганды и контрпропаганды в условиях нарастания взаимных геополитических претензий; в ходе военных действий на полях сражений и в кабинетах политиков времен Первой мировой войны; оказал влияние на развитие взаимоотношений послевоенного и послереволюционного периода, выразившегося в стремлении, с одной стороны, «подавить немецкого агрессора» (не забыв, однако, включить его экономический и политический потенциал в стратегию «общеевропейского дома» как форму противостояния «коммунистической угрозе»). С другой стороны, давление описанных стереотипов на общественное сознание эпохи выразилось в

усилении германского реваншизма и милитаризма как проекции верно угаданных Джеромом этнопсихологических предпосылок «внутри» самого немецкого характера.

Примечательно, что политические и культурные стратегии молодого Советского государства поначалу основывались на признании «противоположных знаков» (по сравнению с англичанами) в отношении тех ценностей, о которых шла речь. Договор в Рапалло (суть которого можно кратко свести к одностороннему признанию в 1922 г. России Германией в обмен на партнерство, включая экономическое и военное), как и пакт Молотова–Риббентропа, – хорошие иллюстрации высказанного предположения. Так, «бескорыстный романтизм» немцев больше импонировал представителям советской дипломатии, чем ориентированный на индивидуальное благосостояние прагматизм англичан.

Свойственное немцам прочтение ценности «порядка» вообще традиционно воспринималось русскими едва ли не как наиболее нужное им самим качество; тогда как «здоровый смысл» англичан вызывал подозрения перспективой отклонений от распорядка, установленного тоталитарным Советским государством. При этом, разумеется, было бы наивным полагать, что данные оценки выступали в процессе политической коммуникации как самодостаточные. Скорее всего, их источник находился не в таинственных «симпатиях» и «антипатиях», а в простом прагматическом расчете, определяемом нехитрым принципом: не давать усиливаться тем, кого можно «зажать». Вместе с тем учет особенностей коммуникативных стереотипов помогает прояснить некоторые механизмы, влияющие на технологии «зажата» и «разжата» политических оппонентов (и партнеров) в конкретных ситуациях принятия значимых политических решений.

Отметим: относительный консенсус трактовки названных ценностей был достигнут русскими и англичанами лишь после Второй мировой войны, заставшей лидеров мировых держав по-иному отнестись к коммуникативным стереотипам и их роли в определении политических симпатий и антипатий на фоне изменения геополитической ситуации в связи с открытием и первым применением ядерного оружия.

Примечательно, что «нейтральные» ценности бытовой вежливости и коммуникации на иностранных языках в русской версии интерпретации специфики английской и немецкой культур в это время вообще оказались «отрезаны» от восприятия в качестве значимых. Русскому читателю советского периода предлагается считать смешным как английскую чопорность, так и немецкую педантичность в решении коммуникативных задач; широко изучать же язык «немца» советские школьники стали лишь тогда, когда он был признан языком потенциального военного противника. Англичане добились этой «честь» только в 1970-х гг., и то лишь косвенно, через геополитическое противостояние

СССР и США.

Интересен тот факт, что «ослабевающий индивидуализм» и нарастающий национальный «воинственный» дух немецкой культуры обращают на себя внимание уже во времена создания романа Джерома. При этом его описание отношения к нативным языкам заставляет предположить, что «национальное чувство» – патриотизм – в обеих странах в первой половине XX в. ничуть не ослабевал. Реальное подтверждение тому – рождение фашистской идеологии на территории Великобритании. И надо отдать должное Джерому – его уверенность в конечном торжестве здравого смысла оказалась пророческой: британцы не оказались в плену национал-социализма настолько, насколько попали в него законопослушные немцы. Недооценка этой особенности национального характера англичан советскими политиками – наряду с необеспеченной верой в стремление немцев неукоснительно соблюдать нормы и договоренности, – определили вопиющие просчеты советской политики предвоенного периода.

Потребность бесконфликтного общения – одна из самых мощных в высокоразвитых культурах современности. Необходимо, однако, понимать, что знание специфики коммуникативного поведения партнеров еще не гарантирует однозначного принятия его позиции. Тем более не предполагается, что такое знание однозначно приведет к взаимному принятию культурами друг друга. В истории слишком часто наблюдалась другая ситуация, когда точное знание этнопсихологии входило в часть подготовительной разведывательной работы, проводимой с целью реализации дальнейшей политики мирного «освоения» (ассимиляции) или вооруженного захвата тех или иных территорий. Хотелось бы надеяться, что современные исследования в области коммуникативистики окажутся примерами иного рода: исследованиями, способствующими укреплению взаимопонимания с целью добросовестного партнерства в различных областях деятельности²². Следует также заметить, что исследование коммуникативных стереотипов имеет не только утилитарный характер. Оно имеет и «несъедобный» смысл – приобщение человека к новой для него культуре как обретение новой призмы, через которую мы смотрим на мир.

Rybakova E.E. Reconstruction of a Communicative Stereotype as Source of Information on Identification Mechanisms of Cultures of England and Germany.

Summary: This article considers communicative stereotypes of cross-cultural communication of England and Germany taking as a source literary work of the beginning of the XX century. As communicative stereotype is a source of information about axiological constituent part of «cultural code», its reconstruction on different levels of existence including its consideration in «the mirror» of another culture is an important means of optimization of cross-cultural interaction.

Ключевые слова

Межкультурная коммуникация, коммуникативный стереотип, коммуникативная культура, реконструкция коммуникативного стереотипа, культурная идентификация, нормы, ценности, межкультурный диалог.

Keywords

Cross-cultural communication, communicative stereotype, communicative culture, communicative stereotype reconstruction, cultural identification, norms, values, cross-cultural dialogue.

Примечания

1. Шестопад А.В., Силантьева М.В. Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила культурных модуляторов» /Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста. Материалы VII Конвента РАМИ. М., 2012. С.204-211.
2. Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 258-272.
3. См.: Демьянков В.З. Стереотип / Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С.177-179.
4. См.: Силантьева М.В. Аксиолого-этические аспекты межкультурной коммуникации в условиях глобализации / Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. Под ред. В.С. Глаголева. М., 2010. С.6-34.
5. Хабермас Ю. Учиться на опыте катастроф? Диагностический взгляд на "краткий" XX век / Ю. Хабермас. Политические работы. Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 208- 214.
6. См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 2000. 560 с. Купер Дж. Ф. Моникины. Пер. Д. Горфинкеля и Л. Хвостенко. М.: Правда, 1982. 412 с. Emerson R. W. Emerson's Essays. New York: Books Inc., 1900. 260 p. Невинс А., Коммаджер. Г. История США: От английской колонии до мировой державы / А. Невинс, Г. Коммаджер.- Нью-Йорк: Телекс, 1991. С.248.
7. Schirmer D. Integration and Fragmentation Discourses: Demanding and Supplying Identity in Diverse Societies // Identity and Intolerance: Nationalism, Racism and Xenophobia in Germany and the United States. Washington, 2003. P. 117.
8. Черных В.А. Модели управления рисками национализма. [Электронный ресурс] URL: <http://credonew.ru/content/view/685/33/> (дата обращения 02.02.2012).
9. Силантьева М.В. Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур: лингвокультурологический анализ // Коммуникативистика. 2013. №2 (3). С. 4-8.
10. Jerome K. Jerome. Three Men in a boat & Three Men on a Bummel. Wordsworth Editions. London, 2008. ISBN 9781853260513. - p. 323.
11. Здесь и далее перевод: Жаринцова М. Джером К. Джером. Трое на четырех колесах. Главы VII, XIV. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/JEROM/chetwero.txt> (дата обращения 01.02.2012).
12. Jerome K. Jerome. Three Men in a boat & Three Men on a Bummel. Wordsworth Editions. London, 2008. ISBN 9781853260513. p. 326.
13. Ibid., p. 328.
14. Ibid., p. 327.
15. Ibid., p. 328-329.
16. Ibid., p. 329-330.
17. Ibid., p. 300.
18. Ibid., p.282.
19. Ibid., p. 253.
20. Ср.: Воевода Е.В. Подготовка специалистов-международников к межкультурной коммуникации в профессиональном дискурсе // Коммуникативистика. 2012. №1 (1). С.27-30.
21. См.: Глаголев В.С. Вербально-понятийные аспекты методологического дискурса VII Конвента РАМИ // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С.216-219.
22. См.: Зонова Т.В. Креативность дипломатии: императив международной среды / Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста. Материалы VII Конвента РАМИ. М., 2012. С.168-172.